

## ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ В ИНТЕРЛЮДИЯХ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

Интерлюдии являются малоизвестными драматургическими произведениями Могилевского и Белорусского архиепископа Георгия Конисского. Они представляются библиографической редкостью, поскольку впервые и фактически единожды в полном объеме были опубликованы в XIX в. и в последующее время не переиздавались. Даже в период их создания и постановки на сцене Киево-Могилянской академии интерлюдии выступали как вспомогательные театральные сцены, примыкающие к основному произведению просветителя – трагедокомедии “Воскресение мертвых” [1].

В XIX в. было известно несколько рукописей произведения Конисского. Одна из них, по свидетельствам исследователей, более достоверная, была найдена в библиотеке Киевской академии во второй половине века. В 1874 г. учитель черниговской семинарии Ф.И. Дмитриевский пожертвовал академической библиотеке ряд древних рукописей, в числе которых был сборник из личной библиотеки архиепископа Черниговского и Нежинского Филарета (Гумилевского, 1805 – 1866), содержащий текст трагедокомедии. Сборник был написан рукой некоего Дмитрия Михайловича Александровича и имел пометы 11 февраля и 9 марта 1748 г. Т.е. запись текста произведения была сделана через год после его представления в Киеве.

Этот список текста трагедокомедии выделяется тем, что именно в нем к каждому из пяти актов пьесы Конисского примыкают интерлюдии. Руко-

пись была найдена Николаем Ивановичем Петровым, выпускником и ординарным профессором Киевской духовной академии по кафедре теории словесности и истории иностранных литератур. Его перу принадлежит работа “Драматические произведения Георгия Конисского”, опубликованная в 1878 г. в журнале “Древняя и новая Россия” [2].

В своей научной статье Н. Петров предпринял краткий текстологический анализ интерлюдий и трагедокомедии, выявил возможные литературные источники появления интерлюдий, их смысловую, образную и идейную взаимосвязь с каждым соответствующим актом пьесы.

Поскольку до Петрова никто об интерлюдиях не писал и они были совсем не известны исследователям, свой литературоведческий анализ профессор сделал фактически предисловием к публикации текста интерлюдий, представленного сразу же за текстом статьи [2, с. 251-256]. Именно статья Николая Петрова стала первой и до сего дня единственной полной публикацией интерлюдий.

Оригинальное название трагедокомедии Конисского: “Воскресение мертвых обще убо всем будущее, но страждущим невинно в вене сем блаженно, а обидящим гибельно, в пяти действиях в пользу чающим оно показанное в Киевской Академии 1747 г. трудом иеромонаха Георгия Конисского”. В 1746 – 47 гг. Конисский преподавал собственный курс “пниитики” в стенах родной для него академии, выпускником, профессором, а впоследствии и ректором которой он являлся. Трагедокомедия выступала, с одной стороны, иллюстрацией к теоретико-литературному материалу, преподаваемому Конисским студентам; с другой стороны, она была составлена в жанре школьной драмы для представления силами учащихся к празднику Пасхи весной 1747 г. Отсюда ярко выраженный назидательный смысл произведения, призывающего зрителей к христианскому смирению и взаимной любви ради стяжания Царства Небесного и вечной жизни в Боге.

При этом Георгий Конисский не ограничился только написанием пяти-актной пьесы, повествующей о земной и загробной жизни злодея Диокрита и страдальца Гипомена. Он создал пять интерлюдий (интермедий), по числу актов основного произведения, построенных уже не в академическом, а в народно-реалистическом духе. Интерлюдии выводят на сцену героев разных сословий и национальностей – шляхтича, крестьянина, еврея-арендатора, ксенза, солдата и др. Коллизии их взаимоотношений носят актуальный для времени создания произведения характер и являются выходом в окружающую зрителей реальность.

С основным текстом трагедокомедии интерлюдии неразрывно связаны сюжетно, идейно и образно. По мнению Н. Петрова, “оне следуют за нею, как комическое за высоким” [2, с. 249]. Действительно, в первом действии

трагедокомедии мы видим крестьянина, осматривающего свои посевы и рассуждающего о прозябшем и погибшем зерне. В первой интерлюдии также главным действующим лицом выступает мужик, рассуждающий о предстоящем богатом урожае и необходимости часть из него пожертвовать на Церковь. Но если в основном произведении рассуждения землепашца потом проецируются на философическую разность судеб людей в земной жизни и в вечности, то в интерлюдии надежды пахаря наталкиваются на предрассудки о насланных на урожай бедах через бабьи вредоносные “закрутки”. Комическая ситуация дополняется образами столь же недалеких сыновей мужика, “злоумышленной” бабы, войта и москаля, который после наказания бабы разгоняет всю компанию.

Во втором действии трагедокомедии униженный Гипомен страдает от притеснений злобного Диоктита. В соответствующей интерлюдии роль жертвы исполняет жид-арендатор, а роль мучителя – пан Подстолий. Не желая отпускать арендатора к другому землевладельцу, пану Бандолию, Подстолий даже решается умертвить его и отдает соответствующий приказ мужику. Однако ситуация, опять-таки, разрешается крайне комично, когда мужик отказывается убивать жида своей секирой, мотивируя это тем, что секирой он рубит свиней к Пасхе, а жидовская кровь осквернит этот священный предмет. Разрешает ситуацию так же, как и в первой интерлюдии, москаль (солдат), олицетворяющий собою если не закон посреди панского произвола и полнейшего беззакония, то, по меньшей мере, порядок и дисциплину: он спасает жида от смерти, бьет мужика, а панов запрягает в телегу.

Третье действие пьесы повествует о тяжких физических муках Гипомена перед смертью. В интерлюдии же выводится на сцену цыган (согласно фольклорной традиции образ не трагического, а комического, веселого характера), который с трудом переносит голод и страдает от побоев жены, всячески его унижающей. В отличие от Гипомена, безропотно, смиренно принимающего издевательства соседа, цыган встает на защиту своей чести и жизни и, набравших храбрости, прогоняет злобную и глупую жену.

В следующем действии трагедокомедии изображается смерть двух главных героев: Гипомена от ран, нанесенных Диоктитом, и самого мучителя от болезней, обжорства, разврата и душевных безнадежных мук. Соответственно, в четвертой интерлюдии Конисский повествует о гибели ни в чем не повинного дьяка, изрубленного своевольным ляхом, и самого ляха, утопленного в болоте мужиками, устроившими над ним нелепый самосуд.

В заключительном действии пьесы Конисский говорит о загробной жизни Гипомена в раю и Диоктита в аду. Последняя интерлюдия выводит на сцену католического ксендза, который молитвами вызывает с того света убитого мужиками ляха с целью исповеди и препровождения его в чистилище.

В данной интерлюдии комизм ситуации подкрепляется не только фантастичностью путешествий с “того света” на “этот” и обратно, но и нелепостью самого представления католиков о чистилище. Конисский здесь не только вскрывает алчность и лицемерие служителя католической церкви, но и вступает посредством сатиры в богословский спор (в продолжение дискуссий, участником которых он являлся в период жизни и работы в Киеве).

Таким образом, в интерлюдиях Георгий Конисский создает яркую и пеструю картину жизни украинского общества первой половины XVIII в. На сцену выводятся лубочные по своему характеру персонажи, с одной стороны, олицетворяющие собой вечные человеческие недостатки и пороки (тупость, алчность, высокомерие, грубость, хитрость, жадность и др.), а с другой стороны, демонстрирующие интересы, стиль жизни и весьма типичное поведение различных общественных сословий: дворянства, православного и католического духовенства, крестьян, арендаторов, солдат. Острие сатиры просветителя направлено против невежества и насилия с целью проповеди посредством и трагического (трагедокомедия), и комического (интерлюдии) представления христианской гуманности и нравственности в отношениях между людьми.

### Литература:

1. Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихоновым: в 5 т. – М., 1859 – 1863. – Т. 3. – С. 39-58.
2. Драматические произведения Георгия Конисского // Древняя и новая Россия. – 1878. – Ноябрь. – С. 245-256.